

«Добрая воля» — мы создали эту рубрику специально для тех, кто находится в местах заключения. Как не отчаяться и найти утешение, оказавшись за тюремной оградой? Как изменить себя и подготовиться к жизни с чистого листа? Что такое настоящая свобода и где ее искать? Обо всем этом читайте в нашей рубрике.

Татьяна Фалина

Тюремный патерик

9 невероятных историй из жизни заключенных

От автора

Восемь лет назад я начала заниматься тюремным служением в Нижегородской епархии, и до сего дня оно остается важной частью моей жизни. За эти годы случались разочарования, были даже целые периоды усталости, но каждый раз происходили истории, благодаря которым снова появлялись силы и вдохновение.

Вероятно, самые тягостные и неблагоприятные обстоятельства — лишь очередные условия для проявления человечности. Эта мысль знакома любому человеку, которому приходилось наблюдать такие обстоятельства и людей в них. Болезнь, тюрьма, война — словно сито, в котором остаются самые ценные крупинки человеческой веры, мудрости и любви. И чем безнадежнее действительность, тем ярче сверкают эти крупинки.

Так собирался «Тюремный патерик». Одни истории случились на моих глазах, о чем-то я слышала от других волонтеров, священников и даже самих осужденных. Каждая история — правда. Здесь нет выдуманных персонажей — за каждой главкой реальный человек. Название сборника — «Тюремный патерик» — появилось как-то сразу и само. Я потом испытывала большие сомнения: уместно ли слово «патерик» в тюремных рассказах, но «отлепить» его так и не получилось. Сборник в самом начале, истории продолжают прибывать — мне остается только записывать.

В бочке

Крещение в колонии. Крестятся двое — Степан из Якутии и Михаил из Краснодара. Обоим — лет по сорок. Степан, готовясь к Таинству, старательно ходил на лекции, задавал вопросы. Михаил пришел в храм впервые, но мои студенты мне поручились, что сами провели с ним все необходимые предварительные беседы о смысле Таинства и что его желание креститься горячее и искреннее (собственно, и сам он человек горячий, кавказских кровей). В общем, креститься он пришел, но, как выяснилось, рассказывая ему о сути христианства, ребята забыли объяснить ему, что представляет собой само Таинство Крещения. И вот заходит

Михаил в храм, совершенно не понимая, что его ждет. И видит посреди храма огромную железную бочку, наполненную холодной водой (погреть возможности не было).

— А это зачем? — показывает на бочку, в голосе тревога.

— Окунаться сюда будете, — объясняю ему. Михаил поеживается.

— А просто умыться не получится?

— Нет, не получится, — начинаю ему рассказывать о крещении в смерть Христову, об умирании для греха и воскресении в жизнь вечную, подобно тому, как Христос провел во гробе три дня...

На этом моменте Михаил, шумно сглотнув, перебивает меня:

— Так нам что, в этой бочке *три дня* сидеть?! (неприятно смотрит на якута Степу) *С ним?! Обоим сразу?!*

Но от крещения не отказался!

Вот на что человек был готов, чтобы стать христианином! С тех пор, когда меня спрашивают о том, каким должно быть стремление ко крещению и настоящее христианское смирение, я всегда вспоминаю Михаила.

Тараканы

Дядя Гоша был человеком бывалым. Сидеть ему приходилось не раз, хотя все больше по пустякам. Невероятно смуглый и тощий, пронзительно голубоглазый, весь в переломах и татуировках, дядя Гоша любил вспоминать тюремную жизнь.

— Вот в тюрьме какая главная беда? — поучал он. — Главная беда — это тараканы. Их там тьма тьмушкая. Вот и морят их по плану, как полагается. Нас, эзков, переводят в другую камеру, а ту, где мы сидели, заливают тараканьей отравой. А потом нас возвращают обратно — и морят уже в той камере, где мы были. Но тараканы твари умные. Они в камере не остаются. Они с нами уходят. Где мы — там и они, а значит все усилия по их потравлению — бесполезные, — на этом моменте дядя Гоша радостно хихикал.

— Так что ж вы терялись, давили бы тараканов по дороге, — предложил один практичный молодой человек. Дядя Гоша от таких слов аж в лице поменялся:

— Что значит «давили бы»? — спросил он возмущенно. — Кого давили? Тараканов? Да как можно! Они же наши... эзковские, тоже крытники... тут понимать надо! Помню, конвойные возмущались — чегой-то вы тут толпитесь, в камеру не заходите, а это мы тараканов пропускали, которые за нами из камеры ушли! — и, уже немного успокоившись, продолжал: — Живую душу, ее ценить надо, это утешение. Вот еще помню, был у нас в камере паук — так мы его мухами кормили, толстый он стал — крепкий. Всё какое ни на есть, а домашнее животное, разве ж плохо?

Первый вопль

Однажды она поняла, что беременна. Очень многие женщины обрадовались бы такому известию, но только не эта. Во-первых, она сидела в тюрьме, и сидеть ей оставалось больше десяти лет. Во-вторых, с отцом ребенка ситуация была какая-то темная и трагическая — то ли погиб, то ли

просто исчез в неизвестном направлении, оставив душевную рану. В общем, ни о каком ребенке речи даже идти не могло. Но тюрьма есть тюрьма: сначала одно, потом другое, да еще и перевод на другую зону — в итоге оказалось, что аборт делать поздно.

— Что значит поздно? — возмущалась женщина (она была не робкого десятка и вообще норов имела злобный и вспыльчивый). — Мне этот ребенок не нужен, все равно я его вытравлю — лучше по-хорошему прервите беременность.

Но беременность не прерывали. Вместо этого усилили за будущей матерью контроль, да озадачили нравоучительными беседами с ней всех имевшихся в наличии психологов и педагогов. Они много и горячо говорили о радостях материнства и праве ребенка родиться. Но женщина исподлобья смотрела на нравоучителей и сдавлено шипела:

— Все равно удавлю. Сейчас беременность не прервете — удавлю, как родится. Не уследите!

В колонии уже шептались, что надо бы малыша от мамы строжайше изолировать. А пока суд да дело, рожать ее отправили под усиленным конвоем, и в роддоме персонал предупредили о том, как все не просто.

Но вот малыш родился. Как и предполагалось — под усиленным конвоем. Но в тот момент, когда новорожденный мальчик в руках у врача издал свой первый вопль — случилось чудо. Самое обыкновенное, непередаваемое: женщина заплакала. И она плакала и плакала — сильно и долго. Так сильно и так долго, что, кажется, выплакала всю злость, всю неприкаянность, всю безысходность. А потом она попросила, чтобы сына дали ей на руки...

Вот и все. Она стала очень любящей, очень заботливой мамой. Пока сын был с нею в Доме ребенка — проводила с ним каждую свободную минуту. А когда они были порознь, она мастерила ему игрушки или шила одежды. А когда его перевели в детский дом за пределами зоны, она делала все возможное, чтобы звонить ему и посылать передачи...

Не знаю, как дальше сложилась их жизнь, но мне очень хочется верить, что все у них будет хорошо... Ну, хотя бы просто потому, что чудеса не случаются просто так...

Рыцари

Случается, что примеры подлинного рыцарства встречаешь там, где никак не ожидаешь.

Ивану на вид лет 30-35. Про таких говорят «пересиженный». Вот и сейчас, после очередной отсидки, он живет в реабилитационном центре для лиц без определенного места жительства. Мы ➔

беседуем, вернее, Иван рассказывает мне о человеколюбии и взаимовыручке.

— Люди — они всегда готовы помочь, — объясняет Иван. — Весь вопрос — кому. Одно дело, если у человека беда, а другое — если ему просто нравится так жить. Вот, например, валяется пьяный человек в луже. Вы его поднимете?...Я вот подниму, но не всегда. Скажем, вижу, что летом в луже валяется тетка в шубе и калошах, ясен пень, пропитая — я сразу пойму, что ее поднимать бесполезно, просто ей нравится так жить. Или вот, например, случится, что Вы (тыкает в меня пальцем) напьетесь и уснете в луже вот в таком виде, как сейчас, в этой же белой курточке.

— Но я не пью, — мои возражения звучат довольно робко.

— Ой, вот не надо сейчас этого, — возмущается Иван. — Я говорю гипотетически. Вы напьетесь и уснете в луже. А я увижу вас в луже и скажу вот Витьку (кивает на приятеля): «Витек, видишь, приличная женщина случайно напилась и валяется в луже. Нехорошо это. Надо помочь человеку!» И мы Вас обязательно из лужи достанем и перенесем на скамейку на остановке, чтобы с Вами ничего не случилось.

Лицо Ивана на миг становится прекрасным и благородным, он мысленно рисует себе эту ситуацию и любит ее. Потом нервно трет бритый затылок, усмехается и признается:

— Но вот что телефон ваш я не прихвачу, вот этого обещать не могу...

Я тогда улыбнулась. Но с тех пор заметила, что жить мне стало гораздо спокойнее. Очень приятно осознавать, что есть в мире благородные люди, которые не оставят тебя на произвол судьбы ни в час беды, ни в час позора...

Помиловал

Жил был один человек. И был он человеком отвратительным. Мало того что преступником, так еще и с ужасным, неуживчивым характером. В общем, при таких исходных данных человек этот в основном проводил время в тюрьме на строгом режиме, по статьям настолько тяжелым и неприглядным, что даже остальные осужденные его сторонились. Дело было в 1990-е, православных батюшек в зоны пускали редко и неохотно, зато охотно пускали протестантов всех мастей. И вот однажды, пообщавшись с протестантами, наш герой вдруг уверовал во Христа. Причем уверовал настолько горячо и ревностно, что совершенно преобразился. Даже заделался у себя в колонии протестантским пастырем. С людьми стал учтив и любезен. Но скверный характер никуда не денешь, он просыпался в нем, когда доводилось спорить с неверующими. Если собеседник уважения ко Христу

не высказывал и вообще о религии отзывался пренебрежительно, новоявленный пастор заметно злился, щурил глаза, поджимал губы и ледяным скрипучим голосом говорил так: «Брат, если бы Христос не жил в моем сердце, я бы тебя за такие слова сейчас убил!» И все понимали, что он не шутит. И искренне радовались, что в его сердце живет Христос.

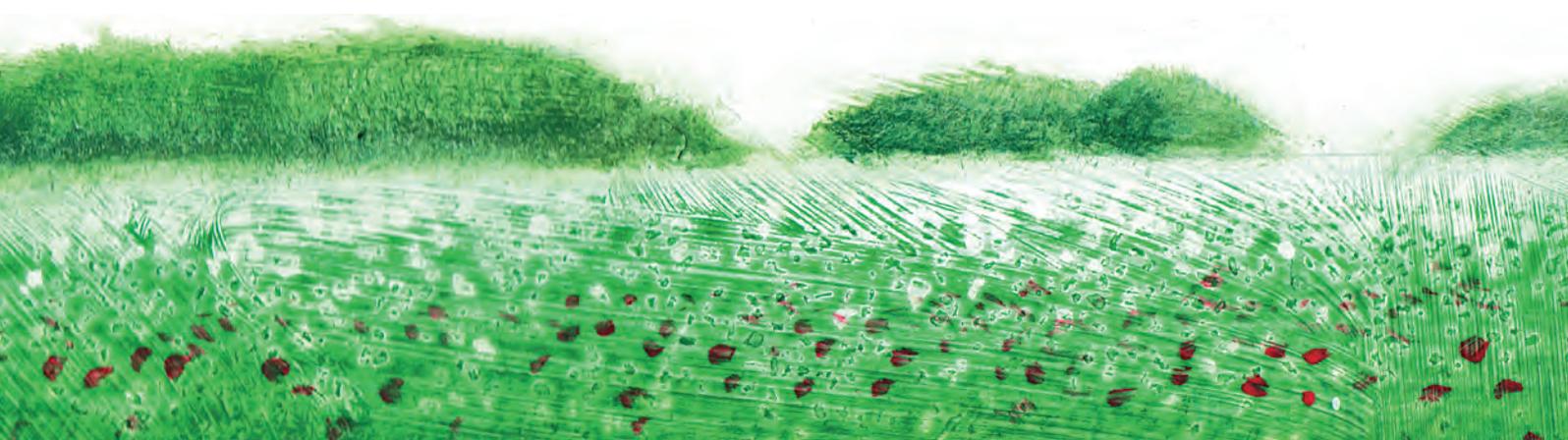
Цветочки

Саша был хорошим и очень светлым человеком, и даже находясь в тюрьме, стремился сделать мир немного лучше. Однажды весной Саша решил украсить скудный пейзаж зоны и посадил цветы у самого алтаря тюремного храма. Да вот беда: лето выдалось таким жарким, что уже к июлю на клумбах не осталось ни травинки — все выгорело. Но Саша не унывал: каждый день, утром и вечером он поливал то место, где, по идее, должны были разрастаться цветы. Дни шли за днями, но никаких результатов Сашины усилия не давали. Окружающие начали тактично и не очень намекая ему, что занимается он ерундой и пора уже оставить эту затею. Говорили, что всю воду в землю не перельешь и надо уже уметь признавать поражения. Саша улыбался и продолжал поливать — утром и вечером, вечером и утром. Лето закончилось, жара спала и вдруг, в конце сентября на клумбе выросли долгожданные цветы — поднялись быстро, уверенно, красиво и через неделю уже цвели всеми красками лета.

Саша улыбался. Никто ничего не сказал, все сочли за лучшее промолчать, только нет-нет да и поглядывали задумчиво на Сашкину клумбу. А цветы цвели еще долго, до самой зимы, так что на заснеженной клумбе пестрели яркие цветочные головки.

Аферист

Однажды в одной колонии встретились два человека. Это были очень разные люди: один верующий, второй — нет. Неверующий человек был прекрасен — молод, хорош собой и очень искренен. Верующий, напротив, — немолод, лукав и основательно потрепан жизнью. И тем не менее они подружились. Вернее, сначала они очень ссорились и спорили часами напролет о том, есть ли Бог или нет, и если есть, то какой Он. Побеждал в таких спорах неизменно верующий — он отличался острым умом, эрудированностью в религиозных вопросах и всегда оставлял за собой последнее слово. Неудивительно, что довольно скоро его молодой друг-атеист тоже стал верующим. Причем не условно-верующим, а по-настоящему.

Перед юношей открылась вся сила Божией любви и мудрость Божьего Промысла, он осознал глубину и правдивость православной веры, почувствовал то самое состояние, о котором апостол Павел сказал «уже не я живу, а живет во мне Христос».

Теперь уже вместе товарищи ходили в храм, исповедовались, причащались и вели благочестивые беседы. Потом старшему пришло время освобождаться. Благодарный юноша был опечален разлукой с мудрым другом и наставником и мечтал всячески помочь ему. По этому поводу дал адрес своих родителей и друзей, к которым можно обратиться на воле в трудную минуту. Старший краснел, всячески отказывался, смущенно благодарил, но адреса все-таки взял и, конечно, на прощание пообещал прислать весточку с воли.

Ждать вестей юноше пришлось совсем недолго. Жаль только, пришли они не от друга, а от родителей и друзей, которые сообщали, что загадочный «товарищ» назанимал у всех денег и исчез в неизвестном направлении.

— Тогда я понял, что мой «наставник» ни во что особо не верил. Просто он приспособился выживать под покровом Православия. Проще говоря, был профессиональным церковным аферистом, — рассказывал спустя годы повзрослевший юноша. Сам он к тому времени успел принять монашеский постриг и ни разу не усомнился в выбранном пути. Только иногда очень сожалел, что человек, приведший его к Богу, сам так и не услышал ни одной истины из тех, которые так горячо проповедовал...

Сестры

Звали девушек Маша и Лена. Обе отбывали наказание в колонии, здесь же познакомились и подружились. Вместе учились, вместе увлекались театром. И по возрасту они были почти ровесницы. Разница между ними была в одном: у Лены была мама, которая ждала дочь и приносила посылки в колонию, у Маши не было никого. И даже жилья своего не было, потому как, пока она отбывала наказание, ветхая домушка, где она была прописана, сгорела. В исправительных учреждениях таких, как Маша, называют «с отсутствием социальных связей», а значит с отсутствием хоть каких-то шансов начать нормальную жизнь. Но именно у Маши срок заканчивался раньше, и ей предстояло уйти «в никуда», пока подруга Лена оставалась «досиживать» свое. Неизвестно, во что бы вылились туманные Машины перспективы, если бы в дело не вмешалось Провидение в лице местной тюремной учительницы, которая, недолго думая, отправилась к матери Лены.

— Все равно одна живешь, по дочери тоскуешь, не знаешь, куда себя деть. Приюти девочку, пропадет же. Ведь они с твоей дочерью как сестры — вот

и будет тебе вторая дочка. Что ты будешь время терять, пока дочь в колонии...

Неизвестно, какой именно аргумент подействовал на мать Лены, но она решилась. И случилось маленькое чудо — все сложилось более чем благополучно. Маша оказалась девушкой толковой. Учебу не бросила, на работу устроилась, а через некоторое время нашелся и хороший жених. На Машиной свадьбе мама Лены была посаженной матерью и ощущала себя так, словно выдает замуж родную дочь.

Теперь Лениного освобождения ждут все вместе.

Было время

Колеса стучали, поезд покачивался и набирал ход, унося пассажиров на встречу со вчерашним днем. Это было путешествие в те края, где изменения происходят так медленно, что прошлое и настоящее словно сливаются. Ну, это так для нас, для проезжающих. Для людей, живущих здесь, времена приходят на смену друг другу, и вчера очень отличается от сегодня.

Вчера это были места, куда ссылали осужденных из разных уголков страны. Сегодня — колоний стало меньше, но жизнь местных поселков по-прежнему строится вокруг них. Вчера в эти места шли этапы. Сегодня — едут туристы-походники.

— А куда вы едете, такие воспитанные и с рюкзаками, — попутчица лет пятидесяти осматривала нас с явным интересом. Когда мы рассказали, что направляемся в УНЖЛАГ исследовать заброшенные колонии, она призналась:

— А я родилась в одной из них. ОЛП-20 — так до сих пор в паспорте записано. Всю жизнь все удивляются, что это за место рождения такое...

Сегодня уважаемая дама, вчера младенец, родившийся за решеткой, девочка, выросшая в окружении зон. Но под сменяющие друг друга за окном пейзажи она с удовольствием вспоминает свое детское вчера.

— Да и знали бы вы, какие раньше были зэки! — певуче говорит она. — Исключительно приятные люди. Веселые, работящие, отзывчивые. Одиноким бабушкам могли «за спасибо» и печку сложить и забор поправить — мастера на все руки, с нынешними «сидельцами» и не сравнить. Сейчас страшно бывает в одном поселке находиться, а раньше мы, дети, постоянно с ними крутились, дружили очень...

Поезд уплывал вдаль. Колеса, словно прислушиваясь к нашему разговору, задумчиво стучали в ритме японского хокку:

*Во времена былые даже хризантемы
Изысканней роняли лепестки
На гладь пруда. ♠.*

Рисунки **Марии Заикиной**

